

Н.И. ЛАПИН

Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства*

Автор представил наиболее актуальные результаты и выводы мониторинга “Ценности и интересы населения России” (опрос проведен летом 2015 г.). Эмпирические данные свидетельствуют о новых качествах стабилизации, осуществляющейся в России после 2000 г. Во-первых, наиболее значимые для населения проблемы воспроизводятся, а не решаются. Во-вторых, появились симптомы не просто экономической, а социогуманитарной рецессии: резко замедлился рост индекса соблюдения прав и свобод человека, а индекс права на равенство граждан перед законом начал снижаться; начался регресс и по другим показателям. Основное внимание автор сосредоточил на способах укрепления социального государства в условиях кризиса и санкций. Он дал характеристику новых моделей социального государства, утвердившихся в странах Европы именно в критически сложных условиях. Впервые приведены результаты репрезентативного опроса о предпочтениях населения России относительно первоочередных способов экономического укрепления государства, таких как введение прогрессивной шкалы налогов на физических лиц и изменение пропорций распределения налогов от доходов компаний между федеральным, региональными и муниципальными бюджетами. Показано, что эти результаты соответствуют новой “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”.

Ключевые слова: социогуманитарная рецессия, новое качество стабилизации, социальное государство, прогрессивная шкала налогов, межбюджетная политика распределения доходов.

В настоящей статье мне хотелось бы проанализировать данные очередной волны нашего мониторинга¹, полученные в 2015 г. Они свидетельствуют как о **новом качестве стабилизации** структур и процессов, возникших в России к началу XXI в., так и о симптомах **опасной тенденции** социокультурной эволюции России.

Чтобы уточнить характер этой динамики, я отмечу выводы из трех последних волн Всероссийского мониторинга “Ценности и интересы населения России” (2006, 2010, 2015 гг.). Результаты волны 2006 г. побудили авторов фиксировать неоднозначность тенденций социокультурной эволюции России на первом этапе модернизации

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-10178).

¹ Это седьмая волна Всероссийского мониторинга “Ценности и интересы населения России”, который проводится с 1990 г. раз в четыре года Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, при финансовой поддержке РГНФ. Опрос проведен независимым Институтом сравнительных социальных исследований (ИССИ, директор – кандидат социологических наук В. Андреев) методом личного интервью на дому у 1031 респондента. Как и в предыдущих волнах, использована многоступенчатая вероятностная модель выборки, которая обеспечила репрезентативность населения страны и ее макро-регионов, городских и сельских жителей; представлены поселения разного размера, основные социально-демографические и этнические группы.

(2000–2009 гг.): “Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост”, или более кратко – “тревожная стабилизация” [Лапин 2007, с. 61–71]. Результаты 2010 г. позволили дать более оптимистичную оценку начала нового этапа (2010–2012 гг.): “От стабилизации к интегрирующей модернизации России”. Однако опрос 2015 г. показал, что на современном этапе модернизации (с 2013 г.), в условиях кризиса, с одной стороны, сохранились некоторые позитивные тенденции, а с другой – продолжилась начавшаяся ранее стагнация социальных структур и отношений. Более того, возможно, началась их *рецессия* по сравнению с 2006–2010 гг.; в итоге обостряется характерный для российской цивилизации диссонанс азиатско-этнического социума и российско-европейской культуры. Есть основания предложить новый диагноз: “Россия в начале социокультурной рецессии, перед цивилизационным выбором”. Вначале остановимся на первой части этого диагноза.

От стабилизации – к рецессии?

Прежде всего отмечу некоторые *позитивные* тенденции 2010–2015 гг. Продолжала снижаться незащищенность населения от острых социальных опасностей. Ниже критичных 50% опустилась незащищенность от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов, хотя незащищенность от бедности остается на уровне 60%. Мало изменилась и структура субъективных восприятий материальной обеспеченности.

Вместе с тем не произошло существенных изменений в доверии россиян к институтам власти. Максимумом доверия пользуется одно лицо – Президент РФ В. Путин (72,5%). Устойчиво сохраняется высокое доверие к армии и Церкви (соответственно, около 60 и 50%). А доверие к правоохранительным органам (суд, прокуратура, полиция) остается ниже среднего: 30–40%. Однако заметно снизилось (до 20–27%) доверие парламенту, партиям, профсоюзам.

Как и в 2010 г., около 40% респондентов считают себя *больными*. Их типичные претензии к государственному медицинскому обслуживанию: очереди к врачам; недостаток квалифицированных врачей; дорогие лекарства; фактическая платность медицинской помощи. Более половины респондентов отметили загрязненность воздуха и воды.

Сохраняется локализация процессов *взаимопонимания* на уровне первичных структур отношений между людьми: в семье, среди друзей, товарищей по работе и с соседями. Трое из четверых имеют друга или подругу, на чью помощь они могут рассчитывать в трудную минуту, но у каждого десятого нет таких друзей/подруг. Больше всего ощущается близость с жителями своего поселения и региона, значительно меньше – на уровне федерального округа. Близость с жителями всей России отметили двое из пяти респондентов, с гражданами бывших республик СССР – лишь каждый четвертый, почти как с жителями всей Земли. Четверо из пяти довольны жизнью в регионе, но свыше 3% хотели бы уехать в другие регионы, а около 1% – вообще покинуть Россию. Сохранился и прежний уровень готовности участвовать в акциях протеста (около 30%). 10 лет не меняется перечень и порядок приоритетных мер, предлагаемых населением для улучшения условий его жизнедеятельности. Среди них на первом месте постоянно находится необходимость создавать новые рабочие места (см. табл. 1).

Таблица 1

Приоритетные меры по улучшению условий жизнедеятельности населения России (в % от опрошенных)

Приоритетные меры	2006	2010	2015
Создавать новые рабочие места	41	45	43
Улучшить медицинское обслуживание	33	36	35
Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	37	32	27
Усилить государственный контроль над экономикой	...	18	23

Следовательно, **стабилизация** структур и процессов приобрела **двойственный характер**. С одной стороны, она *позитивно* проявляется в поддержании возросших доходов, наличии выбора занятости в трудовых организациях разных форм собственности, высоком доверии президенту России и других фактах. Но с другой стороны, она означает также и то, что наиболее **актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся** более 10 лет.

Более того, опрос 2015 г. обнаружил симптомы гуманитарной рецессии социума, или *социогуманитарной рецессии*. Об этом свидетельствует прежде всего перелом в динамике поддержки современных базовых ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка с 1990 г. непрерывно повышалась, но в 2015 г. она впервые заметно снизилась (с 4,4 до 4,2 балла по 5-балльной шкале).

Аналогичный перелом обнаружила и динамика индекса соблюдения прав и свобод человека (см. табл. 2)². В целом по этому критерию политическая система России эволюционировала в 2006–2015 гг. в рамках среднего правового состояния, которое повышалось постепенно, хотя и неравномерно. В 2006–2010 гг. оно повысилось на 1,1 пункта, но в 2010–2015 гг. – всего на 0,2 пункта, то есть *рост замедлился* в 5,5 раза. **Опасно большим** (в 16,6 раза) это замедление было по трем наиболее важным и постоянно наиболее нарушаемым правам и свободам человека (ИСПС-3): равенство перед законом; право на безопасность и защиту личности; право на труд.

Таблица 2

Эволюция значений индекса соблюдения прав и свобод человека (ИСПС) в России (2006–2015 гг.)

Варианты ИСПС	2006	2010	Рост	2015	Рост	Замедление роста
ИСПС – 3	81,9	86,9	5,0	87,2	0,3	В 16,6 раза
ИСПС – 6	86,1	88,9	2,8	89,6	0,7	В 4 раза
ИСПС – 11	90,3	91,4	1,1	91,6	0,2	В 5,5 раза

Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом: наблюдавшийся в 2006–2010 гг. рост на 5,7 пунктов сменился в 2010–2015 гг. попятным движением почти на 2 пункта (см. табл. 3). Это фундаментальное право – одно из самых важных и устойчиво нарушаемых в постсоветской России (2–3-е места по важности, 1–2-е места по нарушаемости).

Таблица 3

Эволюция значений ИСПС наиболее нарушаемых прав и свобод человека

Права и свободы (упорядочены по степени их нарушаемости в 2015 г.)	2006 г.	2010 г.	Рост 2010/ 2006	2015 г.	Рост 2015/ 2010
Равенство перед законом	80,6	86,3	5,7	84,4	-1,9
Право на труд	82,9	85,5	2,6	87,0	1,5
Право на безопасность и защиту личности	82,2	88,8	6,6	90,2	1,4

Самооценки граждан свидетельствуют, что *регресс наметился и по некоторым другим правам и свободам*: право на тайну переписки (-0,7), право на свой язык, культуру (-0,2), свобода совести, религиозные свободы (-1,2).

Пока малозаметный, но негативный характер приобрела и динамика Индекса социального самочувствия населения, который устойчиво повышался в 2002–2010 гг., а теперь снизился с 0,63 до 0,62. Но в целом он остается выше критического рубежа (0,50), то есть в положительной зоне (см. табл. 4).

² Индекс основан на оценках, репрезентативных для всего населения, а не на экспертных оценках отдельных резонансных случаев нарушений. В таблице 2 ИСПС-3 характеризует три наиболее важные и постоянно нарушаемые права и свободы; ИСПС-6 – шесть таких прав и свобод; ИСПС-11 – все 11 изучаемых прав и свобод – по сути, записанные в Конституции России права и свободы человека.

Индекс социального самочувствия населения России (2002–2015 гг.)

	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.
Кз – защищенность от главных опасностей	0,55	0,58	0,59	0,62
Кж – удовлетворенность жизнью в целом	0,57	0,66	0,68	0,68
Ко – уровень социального оптимизма	0,48	0,58	0,63	0,56
Исс – индекс социального самочувствия	0,53	0,61	0,63	0,62

Более заметно снизился коэффициент самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности по отношению к их зависимости от общероссийской власти. Рост коэффициента в 1998–2010 гг. с 1,32 до 1,47 сменился возвращением в 2015 г. к уровню ниже 1998 г. (1,25).

К сходным, весьма осторожным выводам пришли специалисты Института социологии РАН, проанализировав динамику социально-психологического состояния российского общества от 1998 к 2015 г.: “В целом можно резюмировать, что... в социально-психологическом состоянии россиян в связи с кризисом 2014–2015 гг. произошли изменения в худшую сторону. Однако они не идут ни в какое сравнение с психологической реакцией населения на катастрофические события 1998–1999 гг., хотя вполне сопоставимы с нелегким кризисом 2008–2009 гг...” [Российское... 2015, с. 21–22]. Показательно также, что уменьшилась численность среднего класса: с 24 до 20%, согласно подсчетам по методике доктора социологических наук, ведущего научного сотрудника Института философии РАН Л. Беляевой.

Таковы тревожные симптомы *социогуманитарной рецессии*. К фундаментальным показателям рецессии нельзя не отнести и реформы в образовании и науке, которые серьезно снижают творческую и гражданскую самостоятельность как интеллигенции, так и более широких слоев населения, но продолжают, несмотря на критическое восприятие специалистами и общественностью. При этом большинство населения (75%) негативно оценивают эффективность действий правительства по уменьшению рисков рецессии; около 40% считают, что “совсем нет действий”.

Описанные симптомы требуют углубленного анализа и понимания. Они заслуживают рассмотрения в широком, цивилизационном контексте социокультурной эволюции России. По сути, это симптомы того, что обостряется проблема цивилизационного выбора, перед которым в начале XXI столетия оказалась российская цивилизация. Все это свидетельствует об острой необходимости модернизации России – как страны, общества и цивилизации. Но как сделать более эффективным ее осуществление, которое происходит пока спонтанно, фрагментарно, разбалансировано и заторможено? Сказанное приводит к выводу, что *актуализировалась конституционная задача укрепления российской государства как социального*.

Правовые основания *социального государства в России* определены в Конституции Российской Федерации (статьи 7, 21 и др.). Исследования ученых Института государства и права РАН и других специалистов показали фундаментальный характер концепции правового социального государства в России и практическое значение соответствующих задач (см., например, [Права человека... 2014]).

Как решать эти задачи в условиях кризиса и санкций западных стран? Или в таких условиях следует их снять с повестки дня? Опыт развитых западных стран свидетельствует: социальное государство укреплялось именно в сложных, критических условиях. И в СССР минимум социально-экономических прав граждан конституционно закрепился в еще более сложных, драматичных условиях.

Эволюция социального государства в XX веке

Опыт развитых капиталистических стран. В 1930-х–1980-х гг. (время Великой депрессии, Второй мировой войны, “холодной войны” с СССР и “лагерем социалистических стран”, давления международного коммунистического и рабочего движения) в Европе возникли новые модели, укрепившие социальное государство. Как это

произошло? Есть немало исследований истории социального государства (государства “всеобщего благополучия” и др.). Прислушаемся к фактам и выводам молодого, но уже известного французского экономиста Т. Пикетти, который в нашем столетии широко и по-новому изучил эту проблематику. Его книга, вышедшая во Франции в 2013 г., уже в 2014 г. была переведена на английский язык, а теперь – и на русский. Он пишет: “Ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога. В минувшем столетии он сыграл ведущую роль в снижении неравенства... То же касается прогрессивного налога на наследство, который представляет собой вторую важную инновацию XX века... Налог – это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать” [Пикетти 2016, с. 494].

Далее читаем: “В XIX веке и накануне Первой мировой войны во всех странах налоги составляли менее 10% национального дохода. Это отражает ситуацию, в которой государство было очень слабо вовлечено в экономическую и социальную жизнь. Взимая налоги в размере 7–8% национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того... С 1920–1930-х до 1970–1980-х годов во всем богатом мире наблюдалось существенное увеличение доли национального дохода, которая приходится на налоги и на государственные расходы (прежде всего на социальные расходы). Во всех развитых странах всего за полвека доля налогов в национальном доходе выросла как минимум в три–четыре раза (иногда в пять раз, как в странах Северной Европы). Опять-таки во всех странах можно констатировать практически полную стабилизацию доли налогов в национальном доходе с 1980-х до 2010-х годов. Эта стабилизация произошла на разных уровнях: всего 30% в Соединенных Штатах, около 40% в Великобритании и от 45 до 55% национального дохода в странах континентальной Европы (54% в Германии, 50% во Франции и около 55% в Швеции)... Таким образом, все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода” [Пикетти 2016, с. 472–474].

Однако в начале XXI столетия в развитых странах *вновь возникли дискуссии о конкретном объеме прав, которые можно предоставить всем*. По убеждению французского экономиста, их можно решить только посредством демократического обсуждения и политических конфликтов. Что должно стать предметом такого обсуждения?

«Модернизировать социальное государство, а не демонтировать его. Как бы то ни было, современное перераспределение и особенно социальное государство, построенное в богатых странах в течение XX века, исходят из совокупности фундаментальных социальных прав: права на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение... Вне зависимости от предвыборных баталий и партийных политических игр относительно этих социальных сил имеется широкий консенсус, особенно в Европе, где преобладает очень сильная привязанность к тому, что воспринимается как “европейская социальная модель”. Нет ни одного значимого общественного течения, ни одной политической силы, имеющей хоть какое-нибудь значение, которая всерьез стремилась бы вернуться в мир, где доля отчислений составляла бы до 10 или 20% национального дохода, а государство ограничивало бы себя исполнением своих базовых функций» [Пикетти 2016, с. 480]. Добавлю: ныне, в условиях массовой эмиграции населения из бедных, охваченных “локальными войнами” стран в богатые страны Европы, дискуссии получают новые импульсы. Их результаты трудно предвидеть.

Опыт СССР. В драматичных условиях международной изоляции и Великой Отечественной войны были конституционно закреплены социально-экономические права граждан (сначала только трудящихся) на труд и отдых, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, право на бесплатное образование и медицинскую помощь, на жилье. Но для большинства населения эти права обеспечивались на минимальном уровне, а более высокое их обеспечение было привилегией номенклатуры.

Неограниченный рост доходности корпоративного капитала →

низкий социально-экономический рост →

социогуманитарная рецессия

Опыт постсоветской России. В основном был разрушен советский социально-экономический минимум. При этом не созданы сдержки безграничного накопления крупного капитала, доходность которого растет за счет игнорирования социальных прав населения. Отсутствует экономическое обеспечение качества социальных услуг, получаемых населением (в соответствии с провозглашенными правами на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение).

Остатки социального минимума государства оказались в долгосрочной социетальной ловушке. Ее основу составляет тот фундаментальный факт, что неограниченная “рекапитализация имущества, накопленного в прошлом” (r), “протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты” (g) ($r > g$)³, или “прошлое пожирает будущее”. Последовательность компонент этой социетальной ловушки представлена на вышеприведенной схеме.

А как относится население России к целесообразности укрепления роли государства в обеспечении социальных прав граждан?

Предпочтения населения России относительно первоочередных способов экономического укрепления социального государства

В седьмой опрос мониторинга впервые были включены два вопроса о способах экономического укрепления социального государства в России: о прогрессивном налоге на доходы физических лиц и о распределении налогов на доходы фирм между тремя бюджетами. В современной России доминирует корпоративный компрадорский капитал, который стремится неограниченно расти и инвестировать за рубежом. Большинство населения страны заинтересовано использовать **прогрессивный налог на доходы** как противовес этому росту.

Среди части политиков и высших чиновников России высказываются опасения, что такой налог невозможно собрать, а его введение повысит выплаты теневых зарплат, вызовет напряжения среди населения и т.п. Однако такая мотивация свидетельствует о недееспособности самих чиновников, поскольку сбор налогов – один из основных признаков государства как такового. Наш опрос в рамках мониторинга принес **хорошую новость**: среди населения преобладают не радикальные настроения, а ожидания *умеренно прогрессивной* шкалы налога. За сохранение единого для всех подоходного налога в 13% высказались чуть больше пятой части опрошенных (21,7%). Ввести небольшое повышение налога для высокодоходных групп одобрили 25,1%, а у введения небольшого повышения налога, начиная со среднедоходных групп, оказалось 9,1% сторонников. Позицию ввести небольшое повышение налога для среднедоходных групп и значительное повышение для высокодоходных групп поддержали 17,6%. Наконец, предложение ввести значительное равномерное повышение налога, начиная со среднедоходных групп, одобрили 8,5%. Отказались отвечать или затруднились ответить 18%.

Тех, кто смогли ответить, в нашем опросе можно разделить на три группы. Первая группа (около 22%) – “консервативные уравнилители”, которые считают, что следует “сохранить одинаковый налог”, то есть существующие 13% для всех. Вторая

³ Пикетти так пояснил свою формулу $r > g$: “...это неравенство выражает фундаментальное логическое противоречие... Накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее...” [Пикетти 2016, с. 585–586].

группа составляет более половины всех респондентов (51,8%) – это сторонники “умеренно-дозированной дифференциации”. Среди них половина (25,1%) – самые умеренные, которые поддерживают небольшое повышение налога только для высокодоходных групп. Другая половина – более требовательные дифференциаторы, которые поддерживают повышение налога и для среднедоходных групп. Небольшая третья группа (8,5%) – “радикальные дифференциаторы”, поддерживающие значительное равномерное повышение налогов начиная со среднедоходных групп.

Как видим, имеется достаточно последовательная дифференциация групп ответивших. Большинство населения (со средним и более высоким образованием, независимо от пола и возраста, причем среди них не только бедные, но и немало обеспеченных) одобрили бы введение определенной дифференциации налогов на физических лиц. Это *большинство предпочитает умеренную дифференциацию*, а определение ее конкретных параметров – дело специалистов, обосновывающих и принимающих решения.

Еще один аспект укрепления социального государства в России – *межбюджетная политика*, обоснование пропорций распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральными бюджетами. В результате радикальных изменений 1991–2000 гг. сложился административно-командный дисбаланс между расходными обязательствами и доходными возможностями местных бюджетов; в этом дисбалансе сосредоточилась значительная часть бюджетного дефицита [Лексин, Швецов 2011, с. 557]. Положение регионов осложняется снижением фискальной функции крупнейших налогоплательщиков. Результаты исследований Института социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (Вологда) свидетельствуют, что отсутствие должного государственного регулирования позволяет руководству госкорпораций самостоятельно выстраивать распределительную политику в целях удовлетворения своих личных интересов в ущерб задачам увеличения доходности бюджета [Ильин 2016, с. 18]. Расчетная оценка “выпадающих доходов” показала, что дополнительные налоговые платежи нефтегазовых корпораций РФ за 2008–2014 гг. могли бы составить 2880,5 млрд руб. в год, а платежи базовых предприятий черной металлургии за тот же период – 81,3 млрд руб. в год [Ильин 2016, с. 18–19].

Такова далеко не полная цена для бюджета *вседозволенной авторитарности* людей, занятых в бизнесе. Это отнюдь не индивидуальная характеристика отдельных бизнесменов, а социальная практика меньшинства населения (около 20%), которое высоко ценит властность, допускающую возможность самому посягнуть на жизнь другого человека, в противовес большинству законопослушных россиян (75–77%), которые высоко ценят жизнь человека, семью и общение, то есть предпочитают позицию *повседневного гуманизма*. Ранее я показал, что эта альтернатива образует фундаментальную аксиологическую “предпосылку гражданского конфликта: между гуманистическим большинством населения и цинично авторитаристским меньшинством” [Лапин 2013, с. 224].

Экономический ущерб государству и регионам от этого нравственного противостояния достаточно убедительно раскрыли специалисты Института экономики РАН. Факты, которые они получили, и их выводы весьма впечатляют и заслуживают самого серьезного внимания. Послушаем: «Качество работы компаний, как частных, так и с государственным участием, определяет в первую очередь человеческий фактор – нравственный уровень акционеров и управляющих кадров, их квалификация и честное отношение компании к своим обязательствам в качестве налогоплательщика... Если нравственный уровень общества, в том числе и бизнеса, находится на низком уровне, как в России, то компании с государственным участием более эффективны, потому что за их деятельностью есть пусть и не всегда строгий, но “пригляд” со стороны государства» [Соколов 2016, с. 66].

Еще конкретнее: “Если в совет директоров и управление компании попадут высококвалифицированные специалисты, нацеленные на успех компании, то можно ожидать, что и работа ее будет эффективной. Если же в совет директоров и управление от государства будут назначены чиновники, на первом месте у которых будет стоять не развитие компании, а желание обратит свои полномочия на собственное обогащение и отблагодарить власть, которая тебя назначила на эту должность, то и результаты компании будут

неутешительны. О том, что высокая нравственность, ответственность перед обществом, честность, компетентность – это не абстракции, а экономические категории, по своему влиянию превосходящие значимость формы собственности на успех работы не только крупных корпораций, но и функционирования государства, наглядно свидетельствует деятельность Сургутнефтегаза. Если все российские нефтегазовые компании последовали бы его примеру и не использовали во взаимоотношениях со своими дочерними предприятиями трансфертные цены, то поступления по налогу на прибыль в 2013 г. могли бы возрасти на 750 млрд руб. в дополнение к фактическим выплатам в 585 млрд руб. При этом из дополнительной суммы в региональные бюджеты поступило бы 675 млрд руб., а в федеральный бюджет – 75 млрд руб.” [Соколов 2016, с. 67].

Вернемся к оценке ИСЭРТ РАН, согласно которой в итоге “продолжает увеличиваться объем накопленного долга субъектов РФ и муниципальных образований. Так, за период с 2008 по 2014 г. он увеличился в 2,3 раза (с 14,4 до 33,5% объема собственных доходов территориальных бюджетов). За последние пять лет долговые обязательства региональных бюджетов увеличились почти в два раза, а количество регионов, имеющих критический уровень долговой нагрузки (более 80%), выросло с 4 до 25. По итогам 2014 г. в 13 субъектах РФ объем государственного долга приблизился к объему собственных бюджетных доходов или превысил его” [Ильин 2016, с. 19].

Многие эксперты считают необходимым не только обеспечить полное выполнение всеми налогоплательщиками своих бюджетных платежей, но и изменить пропорции распределения налогов между бюджетами разных уровней управления в пользу региональных и местных бюджетов, которые должны быть достаточными для осуществления конституционных и иных нормативных функций регионов и муниципалитетов. Предложения по улучшению состояния местных бюджетов постоянно выдвигает Конгресс муниципальных образований РФ. Специалисты Комитета Государственной думы по вопросам местного самоуправления предлагают законодательно закрепить на долговременной основе нормативы распределения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Предложения обсуждаются, но не принимаются.

Дополнительными аргументами в пользу решения этих вопросов могут служить ответы респондентов на вопрос Мониторинга: “В каких долях должны распределяться все налоги, которые платят компании, фирмы, предприятия разного типа, работающие в нашем регионе (неважно, где они зарегистрированы), между бюджетами трех уровней – муниципальным (бюджетом города или района), региональным (областным, республиканским, краевым) и федеральным?”.

Респондентам *a priori* не предлагались варианты ответа – они по собственному усмотрению называли цифры процентов, при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100%. Поскольку опрашиваемые – не эксперты или профессионалы, а обычные граждане с различным уровнем подготовки, 33–34% затруднились ответить на столь простой вопрос. Полученные ответы оказались весьма дифференцированными (обобщенные их результаты см. в табл. 5.)

Таблица 5

Представления населения о пропорциях распределения налогов компаний, фирм между тремя видами бюджетов (Мониторинг, 2015 г., в %)

	Типы компаний, фирм	Виды бюджетов			Всего	Затрудня- юся отве- тить
		1. Муници- пальный	2. Регио- нальный	3. Феде- ральный		
A	Индивидуальные предприниматели	49,6	23,8	26,6	100	33,2
B	Частные малые фирмы	48,3	24,6	27,1	100	34
C	Частные средние фирмы	47,3	24,9	27,8	100	34,8
D	Частные крупные фирмы	44,2	24,8	31,0	100	34
E	Компании, фирмы с участием государства	40,1	23,7	36,2	100	33,6

Эти пропорции можно интерпретировать как “естественные нормы” (аналогичные нормам естественного права) или нравственные правила *приоритетного обеспечения жизненных потребностей населения*: чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы), к жизненным мирам населения⁴ и практикам удовлетворения его повседневных потребностей, тем большая доля взимаемых налогов должна оставаться по месту их создания – в муниципалитетах и регионах, а общегосударственные потребности должны обеспечиваться прежде всего за счет крупных предприятий – государственных и с государственным участием.

Такие нормы существуют прежде всего в сознании специалистов, руководителей, квалифицированных работников. Они характерны и для массового сознания, которое не может долго оставаться не услышанным, какие бы калькуляции государственной важности ему ни противопоставляли. Отсутствие эффективных действий государства, направленных на решение таких проблем, будет означать игнорирование ожиданий населения, в том числе электората на выборах.

Новая “Стратегия национальной безопасности Российской Федерации” и укрепление правового социального государства как субъекта устойчивого развития России

Введение прогрессивного налога на доходы физических лиц и обоснованных пропорций межбюджетных распределений налогов позволит преодолеть ловушку неограниченного роста олигархического капитала, повысить рост ВВП и оплаты занятого населения, в целом консолидировать российское общество и придать динамику гуманистической эволюции российской цивилизации.

Кто и как может это сделать? По данному вопросу в России нет консенсуса. Тем не менее политикам, чиновникам, бизнесменам, всем гражданам предстоит более определенно руководствоваться положениями **Конституции** Российской Федерации о социальном государстве в России, новой “Стратегией национальной безопасности Российской Федерации”⁵.

В новой Стратегии, несмотря на отсутствие термина “социальное государство”, содержатся многие его составляющие – как *стратегические национальные приоритеты*. Отметим первоочередные для укрепления *социального государства*. Подраздел Стратегии о повышении качества жизни граждан открывается словами: “Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения...” (ст. 50), “достойное пенсионное обеспечение” (ст. 52).

В подразделе об экономическом росте одним из главных направлений обеспечения безопасности *на региональном уровне* определено создание механизма сокращения социально-экономической дифференциации между субъектами РФ (ст. 65). Угрозы диспропорций развития регионов целесообразно устранять путем стимулирования их “самостоятельного экономического развития”, укрепления их “бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений” (ст. 66). В Стратегии имеются специальные подразделы о повышении качества образования и здравоохранения.

К *основным показателям* состояния национальной безопасности отнесены: удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения; децильный коэффициент

⁴ Отмечу первое в российской социологии комплексное исследование жизненного мира населения [Жизненный... 2016].

⁵ См. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 “О стратегии национальной безопасности Российской Федерации” (Российская газета. 31 декабря 2015 г.).

(соотношение 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения); уровень безработицы; доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в ВВП на культуру (ст. 115).

Не оставляя сомнений в практической направленности Стратегии, ее статья 1 гласит: “Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу”.

Это предполагает разработку системы мер в рамках стратегического планирования России и ее регионов, в соответствии с Федеральным законом “О стратегическом планировании в Российской Федерации” (№ 172-ФЗ от 28 июня 2014). В том числе – действенных мер по укреплению социального государства, о которых сказано выше. И других мер, обеспечивающих социальную ориентацию корпоративного капитала. Иначе стратегические цели и задачи могут в очередной раз оказаться благими намерениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 80-х – середина 2010-х гг.) (2016) Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ.

Ильин В. А. (2016) Стратегия национальной безопасности–2015 – шаг к новому этапу развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогнозы. Вологда: ИСЭРТ РАН.

Лапин Н. И. (2007) Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. № 6. С. 61–71.

Лапин Н. И. (2013) Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Новые идеи в социологии. М.: ЮНИТИ.

Лексин В. Н., Швецов А. Н. (2011) Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS.

Права человека и правовое социальное государство (2014) М.: Норма: ИНФРА-М.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / (2015) М.: Весь мир.

Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI в. М.: Ад Маргинем пресс.

Соколов М. (2016) Сравнительная эффективность государственной и частной собственности // Мир перемен. № 1. С. 52–67.

Symptoms of Socio-humanistic Recession and Ways to Strengthen the Social State

LAPIN N.*

* *Lapin Nikolay* – corresponding member of the RAS, head of the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy RAS. Address: 12/bld.1, Goncharnaya st., Moscow, 109240. Russian Federation. E-mail: Lapin@iph.ras.ru.

Abstract

The author has presented the most relevant results and conclusions of the monitoring values and interests of the population of Russia “ (the survey was conducted in the summer of 2015). Empirical data showed new qualities of stabilization in Russia after the 2000 g. Firstly, the most important problem for the population reproduces, and hesitant. Secondly, symptoms not just economic, but socialhumanistic the recession: the index growth slowed sharply observance of human rights and freedoms, and the right to equality of citizens before the law began to decline; started regressing and other indicators.

The focus of the author focused on how to strengthen the welfare State in crisis and sanctions. He described the new models of the welfare State, established in the countries of Europe in a critically difficult conditions. For the first time are the results of a representative survey on the preferences of the population of Russia regarding the priority of economic methods of strengthening the State-such as the introduction of a progressive scale of taxation on individuals and change the aspect ratio of the distribution of taxes from the profits of companies between the Federal, regional and municipal budgets. Finally, the author has shown that these results are consistent with the new “national security strategy of the Russian Federation”.

Keywords: sociogumanitarnaja recession, new quality stabilization, social State, progressive tax scale, mezhbuzhetnaja income distribution policy.

REFERENCES

Ilyin V. (2016) Strategiya natsional'noy bezopasnosti–2015 – shag k novomu etapu razvitiya Rossii [National security strategy – is a step into a new phase of development of Russia]. *Economicheskie i social'nye peremeny: facty, tendensii, prognozy* [Economic and social changes: facts, trends, forecasts]. Vologda: ISERT RAS.

Lapin N. (2007) Trevozhnaya stabilizaciya [An Anxious stabilization]. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 61–71.

Lapin N. (2013) Sociokulturnie factori rossiyskoy stagnacii i modernizacii [Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization]. *Novye idei v sociologii* [New ideas in sociology]. Moscow, UNITY.

Lexin V., Shvetsov A. (2011) *Reformy i regiony. Sistemnyy analiz prozessov reformirovaniya regionalnoy ekonomiki, stanovleniya federalizma i mestnogo samoupravleniya* [Reforms and regions. Systematic analysis of regional economic reform processes, the formation of federalism and local self-government]. Moscow: URSS.

Piketti T. (2016) *Kapital v XXI v.* [Capital in the twenty-first century]. Moscow: Ad Marginem.

Prava cheloveka i pravovoe socialnoe gosudarstvo (2014) [Human rights and legal social State]. Moscow: Norma, INFRA-M.

Rossiyskoe obschestvo i vizovi vremeni. Kn. 2 (2015) [Russian society and the challenges of our time]. Moscow: Ves' mir.

Sokolov M. (2016) Sravnitel'naya effektivnost' gosudarstvennoy i chastnoy sobstvennosti [Comparative efficiency of public and private property]. *Mir peremen*, no. 1, pp. 52–67.

Zhiznenny mir rossiyan: 25 let spustya (konec 80-h – seredina 2010-h gg.) (2016) [Lifeworld of Russians: 25 years later (end of the 80 's-mid 2010-ies)]. Moscow: SPC.

© Н. Лапин, 2016